

УДК 94(430)

ДОБРОВОЛЬЦЫ В НИЖЕГОРОДСКОМ ОПОЛЧЕНИИ 1812 г.: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ

© 2018 г.

Д.А. Николаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

dmnikolaeff@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2018

Рассматриваются особенности добровольческого движения в Нижегородской губернии в 1812 г.: вы- является точное количество добровольцев, анализируются сословно-корпоративные особенности того перио- да. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографи- ческих трудов названо точное число добровольцев разных социальных групп, выявлены специфические чер- ты местного добровольческого движения с учетом критики ранее написанных по этой проблеме истори- ческих трудов.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, нижегородское ополчение, добровольческое движение, Отечественная война 1812 г., офицерский состав, военные и гражданские чины.

Немаловажным аспектом изучения событий эпохи наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г. является выяснение характера и особенностей местных губернских ополчений, созданных в 1812 г., и, в частности, изучение вопроса о добровольческом движении в локали- зованной рамками конкретной губернии среде. Вопрос о количестве и «качестве» доброволь- цев, желавших вступить в нижегородское опол- чение, созданное в эпоху 1812 г., несмотря на два столетия изучения его, до сих пор оконча- тельно не выяснен, несмотря на значительный объем источниковых данных и наличие много- численных работ по различным аспектам исто- рии местного ополчения; вопрос этот тем более актуален и важен, поскольку именно добро- вольческое движение как таковое, его характер и массовость, позволяет определить как срез определенного уровня общественных отноше- ний эпохи, так и выявить специфические осо- бенности (административные, сословные и пр.) проявления «практического» патриотизма «в действии». Целью данной работы является, по- мимо выявления имен *абсолютно всех* добро- вольцев в нижегородском ополчении 1812 г., определение основных тенденций добровольче- ского движения в губернии, его сословно- корпоративных особенностей и критическое освещение некоторых фрагментов историче- ских сочинений, посвященных характеристике феномена местного добровольчества.

После вторжения войск Наполеона на терри- торию Российской империи, Александр I в офи- циальном рескрипте на имя председателя Коми- тета министров Н.И. Салтыкова сообщил о нача- ле новой войны и выразил мнение, что этот ее этап носит общий и всенародный характер. Царь

надеялся «...на усердие Моего народа и храбрость войск Моих...» и заявлял, что «...оборона Отече- ства, сохранение независимости и чести народ- ной принудили нас препоясаться на брань...» [1, л. 1]. Манифестом от 6 июля 1812 г., обра- щенным ко всем подданным и сословиям Им- перии, утверждалась необходимость создания по всей стране местных губернских ополчений, которые «составляли бы вторую ограду, в под- крепление первой (т.е. регулярных войск. – *Авт.*) и в защиту домов, жен и детей...». Не- сколько позднее территории, где должны быть созданы ополчения, ограничили шестнадцатью губерниями, ближе всего расположенными к местам боевых действий. 1 сентября 1812 г., согласно формализованным положениям, на- чался сбор ополчения в Нижегородской губер- нии, которое действительно стало народным – поскольку состояло, в основной своей массе, из помещичьих крестьян – и дворянским, по сво- ему начальствующему офицерскому составу. Всего по губернии, с сентября по декабрь 1812 г., подлежало сбору 12 275 пеших и 653 конных воинов для формирования 5 пехотных и 1 кавалерийского полков (которые входили в состав т.н. III ополченского округа под командованием генерал-лейтенанта П.А. Толстого), многие из которых являлись, согласно их собственным заявлениям, добровольцами.

Согласно «Реестру просьбам, входящим на имя Начальника Нижегородского военного ополчения... князя Грузинского от разных пер- сон и другаго звания людям» о вступлении в ополчение и другим документам, количество добровольцев, желающих поступить в нижего- родское ополчение, можно определить доволь- но точно¹. Ко многим прошениям, составлен-

ным, порой, в достаточно пафосном патриотическом духе, «высоким штилем», были приложены сопроводительные документы присутственных мест, аттестаты о службе, характеристики и пр. Прошения о вступлении в ополчение хотя и находились в указанном реестре, но писались не только на имя Грузинского; адресовались они и губернатору Руновскому, и Толстому; писались они и на «Высочайшее имя», причем не только потенциальными ополченцами, но и их родственниками и доверенными лицами. Иногда прошения представляли собой достаточно подробные автобиографии, с перечислением мест службы, достижений и наград. Офицерский состав вообще всех ополчений страны принимался на службу: «из чинов военных» – в тех чинах, в которых призванные лица состояли в отставке; «из чинов гражданских» – на условиях «паритета» с военными чинами: коллежский регистратор – прапорщик, коллежский и губернский секретарь – подпоручик, титулярный советник – поручик, надворный советник и коллежский ассессор – штабс-капитан, коллежский советник – капитан и пр.

В августе 1812 г. прошения о вступлении в ополчение подали 30 чел. (см.: Приложение, список 1); в сентябре 1812 г. «реестр просьбам» пополнился заявлениями еще от 64 лиц (см.: Приложение, список 2); в последующие месяцы (октябрь – декабрь 1812 г.) прошения о вступлении в ополчение поступили от 52 чел. (см.: Приложение, список 3). Далее, согласно отношениям губернатора А.М. Руновского «об исключении из должностей чиновников и разночинцев, объявивших желание служить в ополчении»² [2], список добровольцев пополнился еще на 14 чел.: (см.: Приложение, список 4).

По содержанию отношений Нижегородского губернского правления «о желающих вступить из приказного и духовного званий в ополчение» [3], список можно дополнить (по продолжающейся нумерации в Приложении) следующими фамилиями:

161. Губернский секретарь П. Степанов

162. Коллежский регистратор А. Болобов [3, л. 42].

К этому списку необходимо присоединить добровольцев – учащихся (дворян) эвакуированного в Нижний Новгород Московского университета, Московской духовной академии и Московского отделения Императорской медико-хирургической академии. По свидетельству финляндского студента Э.Г. Эрстрема, находившегося тогда в Нижнем Новгороде, «около двадцати студентов и кандидатов университета пошли в армию. Из живущих с нами (в эвакуации в Нижнем Новгороде. – Э.Э.) в офицеры

приняли четырех гимназистов и десять студентов»³ [4, с. 118]. Известны фамилии следующих лиц, написавших заявления о желании поступить добровольцами именно в нижегородское ополчение (по продолжающейся нумерации)⁴:

163. И. Скороходов; 164. Ф. Завойчинский; 165. А. Шижгутов; 166. П. Полуярославцев; 167. Н. Тимченко [5, л. 1]; 168. А. Тимченко [5, л. 1]; 169. К. Марчинский; 170. И. Борисов; 171. А. Локонте [4, л. 28–35]; 172. П. Лесливский; 173. И. Фоглер [6, л. 18]; 174. «Университетский кандидат 12 класса» И. Петров; 175. «Университетский кандидат» Воинов; 176. Студент Платковский; 177. Студент Н. Персон; 178. Студент В. Правинов; 179. Студент Тито [6, л. 18]; 180. Студент Серафимов [6, л. 18]; 181. Студент Редлен [6, л. 18]; 182. «Московской академии духовной студент» Надеждин [6, л. 18]; 183. «Университетский воспитанник» И. Андреев [6, л. 52]; 184. В. Топоров [6, л. 52]; 185. Г. Козьявин [6, л. 53]; 186. И. Пурьшев [6, л. 53]; 187. Г. Карасев [7, л. 14]; 188. «Университетский питомец» Ф. Завойчинский [6, л. 15].

В этом же списке значатся (в Приложении под № 67, 96 и 136) лица, которых также нужно отнести к категории учащихся (указаны выше): «Старший ученик» А.И. Лейбрехт, «Воспитанник» А. Иванов и «Ученик нижегородской гимназии пиитического класса» И.В. Лавров.

Дворянский, в основном, список добровольцев пополнялся немногочисленными представителями мещан и «экономических крестьян». Среди первых следует назвать: семеновских мещан В.С. Витушкина [8, л. 1], Я.С. Сазанова⁵, Е.Н. Разуваева⁶, Я. Красильникова⁷ и А. Бочкарева⁸; арзамасских – Г. Волкова⁹, А. Феоктистова¹⁰; нижегородских – Я. Шкурина¹¹, Быкова [1, л. 408] и Е. Монатаева [8, л. 9, 12]; макарьевского – П. Гогилаева [8, л. 11], а также «примкнувшего» к ним «касимовского мещанина» Кочемасова¹². В среде крестьян экономических (а также государственных и удельных, которые, согласно царскому Манифесту от 18 июля 1812 г., не участвовали в наборе в «государственное» ополчение¹³) также было достаточно мало добровольцев, которых легко перечислить: М. Афанасьев¹⁴, М. Поляков¹⁵, О. Агафонов¹⁶, с «примкнувшими», опять же, к ним помещичьи крестьянами П. Пеговым¹⁷, И. Куныпиным¹⁸ и также не пожелавшего быть «обракованным», малоизвестного (единственный раз упомянутого в документе) «добровольца Зубова» [9, л. 25]. Следует назвать в числе добровольцев от данной группы как «феодосийского жителя грека» мещанина К. Сидорова, так и некое маргинальное лицо «без определенного места жительства», «взятого в праздном проживании... Ва-

сильева»; к ним можно присовокупить и отставного унтер-офицера Павлова (упомянутых в списке под № 97, 100, 114).

В период с сентября по декабрь 1812 г. шел прием в ополчение и добровольцев-священнослужителей. Епископ Нижегородский и Арзамасский Моисей объявил, что причетники, дети священнослужителей, семинаристы, служители духовных заведений (на различных должностях), а также, что было особо подчеркнuto, «праздноживущие» отпрыски священников могут беспрепятственно записываться в ополчение, причем епархия выделяла необходимые деньги на обмундирование и продовольствие ополченцам из духовной среды. Первые списки «изъявивших желание» служить в ополчении церковнослужителей появились в конце сентября 1812 г. Согласно первому из них [10, л. 2–3 об.], на службу «представлялись» 11 человек: семинаристы Н.И. Акаевский, В.Г. Кемарский, А.Н. Сперанский, Е.Я. Сперанский [10, л. 2–3]; «исключенные из семинарии ученики»: И.Я. Воробьев, Н.С. Таврицкий [10, л. 3]; послушники Н. Григорьев, О. Макаров; «праздноживущие церковнослужительские дети»: И. Николаев [11, л. 2], С. Никитин, И. Васильев. Во второй партии «служителей и причетников» состояли следующие лица: И. Иванов, Д. Данилов [10, л. 6–7], С. Васильев, В. Петров, В. Логинов, А. Матвеев, Н. Михайлов, И. Андреев [10, л. 6–7]. Зачисление таких «ратников» на службу шло согласно отношениям «правителя канцелярии графа Толстого коллежского асессора Филимонова о церковниках, желающих вступить на службу в ополчение»; с сентября по декабрь 1812 г. шел «партионный прием» довольно большого числа церковников, которых, по дальнейшим, по датам, «представлениям» от епископа Моисея к Толстому и от Филимонова (Толстого) – Грузинскому¹⁹, можно распределить так:

8 октября, при отношении Моисея к Толстому, «представлены» 2 семинариста Нижегородской семинарии: Щеглов и Покровский²⁰;

16 октября: М. Иванов, Г. Григорьев, А. Яковлев, П. Михайлов, И. Николаев²¹, А. Поликарпов²², А. Николаев, П. Матвеев²³, А. Васильев; 19 октября: А. Егоров, В. Иванов²⁴ и «нижегородской семинарии ученик пиитического класса» А. Покровский;

26 октября: Н. Рубцов, Н. Востоков, А. Ильин²⁵, Н. Егоров, М. Федоров, К. Попов²⁶;

30 октября: «дьячок» В. Александров, «духовного звания» М. Зефирин, Н. Богородский, А. Петров²⁷, Я. Сергеев, А. Михайлов²⁸;

4 ноября: С. Писарев, П. Салтыков, В. Леонтьев²⁹, С. Васильев³⁰, П. Яковлев;

9 ноября: П. Иванов, А. Иванов [10, л. 74];

12 ноября: Г. Никитин³¹, «дьячков сын» С. Васильев³², С. Григорьев, И. Титов, И. Андреев [10, л. 76];

19 ноября: пономари: Е. Дмитриев, М. Степанов; дьячки: А. Иванов, П. Яковлев, Г. Дмитриев, С. Яковлев, А. Яковлев; семинаристы: И. Вознесенский, И. Бельский [10, л. 78];

28 ноября: М. Парфенов, М. Петров, И. Васильев, А. Федоров [10, л. 82];

29 ноября: С. Матвеев, М. Петров [10, л. 76];

4 декабря: И. Сергеев, С. Гаврилов [10, л. 98];

15 декабря: Ф. Михайлов [10, л. 100];

16 декабря: «ученик» (семинарии) М. Вишневецкий [10, л. 102];

23 декабря: пономарь А. Михайлов [10, л. 104].

Согласно десятидневному рапорту командира 4-го полка от 30 ноября 1812 г. к ним можно добавить Е. Сергиевского, А. Иванова, М. Степанова [12, л. 9], а также упомянутого в списке выше В. Травницкого.

Рассматривая некоторые тенденции добровольческого движения в Нижегородской губернии в эпоху 1812 г., можно сделать определенные выводы, касающиеся сословно-корпоративных особенностей этого явления. Дворянство (от представителей которого поступило наибольшее количество заявлений о добровольном желании поступить в ополчение) служить стране, в период военной опасности, было обязано по закону, если позволяли физические и возрастные кондиции. К тому же (что было особенно важно для средне-, мелко- и беспоместного дворянства, которое и составило основу добровольческого «корпуса») служить не бескорыстно, а за вполне определенное «паритетностью» военных и гражданских чинов при зачислении на службу вознаграждение, с полным сохранением выслуги лет, пенсионов, чинов и наград и пр., а также с гарантированным «послевоенным» лечением, трудоустройством и обеспечением, что также было важно, поскольку в мирное время «право на труд», а значит, на достойный жизненный уровень никому, в том числе и дворянам, не было гарантировано. Следует учесть, что в условиях «паритетности», при зачислении в ополчение военных и гражданских чинов, – а следовательно, при теоретическом равенстве в получаемом жалованье – доходы дворян в ополчении (или в действующей армии) были выше, чем на гражданской службе, поскольку включали в себя не только непосредственно жалованье, как ежемесячное или годовое вознаграждение за специфический труд, но и разного рода надбавки: на приобретение обмундирования («для недостаточных дворян», стоившее, к слову, очень дорого), «порции и рационы»³³, «повышающий коэффициент» для находившихся за

границей (в военных походах)³⁴, надбавки и премии за ранения и награды³⁵ (а также за нахождение в плену у неприятеля(!)), внеочередные денежные премии (например: «недостаточным офицерам», «по случаю выступления полка в поход», «по случаю возвращения полка домой»), материальная помощь семьям, оставшимся дома, обеспечение семей служебным жильем, отсрочки по выплате долгов³⁶ и т.п. Военная служба, к тому же, давала возможность уйти от ответственности за совершенные «маловажные» административные и уголовные проступки³⁷, восстановить свое доброе имя и уважение к себе в своей среде. Но, пожалуй, главным побудительным мотивом ко вступлению в ополчение нижегородских дворян стало, помимо очевидных и искренних патриотических порывов многих из них, осознание неизбежности ситуации в условиях безальтернативности «социального» выбора для данного сословия в данную эпоху. В условиях серьезного кадрового голода (при наличии множества незанятых офицерских должностей) возможность занятия вакантных мест недворянами, учитывая социально-политические реалии эпохи, была полностью исключена. Нет никакого сомнения в том, что подавляющее большинство тех, кто добровольно изъявил желание послужить родине и императору, было бы, в любом случае и вне зависимости от пресловутых желаний, призвано на службу. Исходя из этой «неоспоримой неизбежности», в определенном моральном (и не только) смысле, было бы значительно весомее и выгоднее самостоятельно заявить о «принесении себя в жертву» царю, что добавляло в аттестаты и прочие документы присутственных мест, выдаваемые потенциальным офицерам, весьма выигрышные, со всех точек зрения, строки о том, что данный человек в такую-то кампанию «поступил добровольцем». Вполне возможно, учитывая названные обстоятельства, обозначить данную группу людей как группу «условно-добровольческую».

Одной из доминант историографической традиции изучения нижегородского ополчения (и прочих ополчений страны) является «ретранслируемое» из одного произведения в другое на протяжении многих десятилетий, «аксиоматичное» утверждение о некоей феерической массовости «низового» народно-патриотического движения, развивавшегося в соответствии с прогрессирующей военной опасностью для страны. Призыв в ополчение стал некоей квинтэссенцией этого движения, «нашедшего отклик в пламенных сердцах наших земляков», якобы заваливших воинские присутствия тысячами заявлений от добровольцев, о чем, правда, не упоминали до-

революционные исследователи, как, например, В.Р. Апухтин [13], С.И. Архангельский [14] и А.К. Кабанов [15, с. 306–312], но начали утверждать (в советское, послевоенное время) в своих диссертационных исследованиях В.И. Бабкин [16] и Е.Ф. Селиванова [17]; несколько позднее В.И. Бабкин в другой, более известной своей работе [18], утверждал, что «В Горьковском областном государственном архиве³⁸ хранится свыше 1 тыс. (!) подобных заявлений, поданных крестьянами, горожанами, ремесленниками...» [18, с. 36]. Это утверждение, очевидно, в силу «неоспоримости» тезиса об «истинно народном» характере войны («подкрепленное» рамками господствующей идеологии, или, точнее, рамками «доминантно-патриотических» воззрений) по сию пору остается «незамеченным» не только в силу социально-политических обстоятельств прошлого и настоящего, но и из-за элементарного нежелания последующих исследователей темы самостоятельно исследовать многие источники и предпочитавших сугубо компилятивные обращения «к авторитетам», вместо того, чтобы обратиться «к истокам». В последующие годы (и по наши дни) «авторитетное» и ни на чем не основанное утверждение В.И. Бабкина и тезис о пресловутой «массовости» продолжали «победно» шествовать из одного исследования в другое, «аксиоматично» подменяя собой должный анализ исторической действительности. Это явление было во многом объяснимо, например, в 1941 г., когда, сообразно текущей военно-политической ситуации и необходимости, и в связи с этим «ускоренного» формирования массового патриотического сознания, вышли в свет (в местной периодической печати) статьи того же С.И. Архангельского [19, с. 4], Л. Каптерева [20, с. 4], Н. Логинова [21, с. 4] и Л. Семенова [22]. Но и в последующие годы тезис о «массовости» добровольческого движения нисколько не потерял своей «значимости» и был «подхвачен» в трудах С.Н. Зубкова и Е.А. Калыгановой [23, с. 171–175], нескольких работах А.Н. Лушина (вышедших в журнале «Нижегородская старина» [24] и отдельным изданием [25]), трудах Ф.Б. Дроздова (вошедших в коллективную монографию, посвященную нижегородскому ополчению [26, с. 95–123] и книгу воспоминаний Э.Г. Эрстрема [4, с. 239–293]). «Массовость» участия добровольцев в ополчении получила отражение во множестве газетно-журнальных публикаций и краеведческих изданий, принадлежащих перу Н.М. Добротвора [27], И. Ермолаева [28], А. Рамова [29], В. Щенникова [30, с. 14], В.А. Громова [31, с. 39–42], С.Н. Коршака [32, с. 250–255], С. Игонькина [33, с. 13] и многих других авторов.

На самом деле среди «тысяч» неведомых в природе заявлений от мифических добровольцев, «крестьян, горожан, ремесленников» можно точно назвать таковых 12, исходящих от мещан³⁹ (к тому же 2 из них были явными «наемниками»⁴⁰) и 3 – от государственных и экономических крестьян⁴¹ (к которым можно добавить еще 2 заявления⁴² и еще один «факт», без письменного заявления «добровольца Зубова»⁴³, о добровольном желании продолжить службу от «обракованных» крестьян помещичьих). Таким образом, имеется всего 18 заявлений (с «примыкающими» к ним: «греком» К. Сидоровым, «праздноживущим» Васильевым и отставным унтер-офицером Павловым) от данных категорий населения, среди которых нескольких, с учетом приведенных фактов, также можно назвать «условно-добровольческими». Тем не менее автор далек от мысли о «развенчании» идеи массового патриотизма в эту эпоху, поскольку речь идет совсем о другом. В условиях вполне понятного и достаточно изученного в истории социально-экономического строя, вполне справедливо именуемого строем феодально-крепостническим, массовое проявление «недворянского», «практического» патриотизма было практически исключено, поскольку крестьяне помещичьи (составлявшие основу и рекрутов, и ополченцев в «официальном» ополчении) были, в соответствии со своим статусом, лишены, помимо многих юридических прав, возможности самостоятельного «патриотического действия» и за самостоятельный, без разрешения помещика, уход в ополчение понесли бы «заслуженное» наказание. Прочие же категории крестьян и городские обыватели (с которых никто не снимал рекрутскую повинность), желавшие поступить в ополчение, должны были выполнить целый ряд серьезных «предварительных» требований. Они не должны были иметь долгов и неуплаченных податей, не стоять в очереди на отправление рекрутской повинности и не исполнять обязанности ратника взамен рекрутской повинности (собственной или кого-либо), достойно (в отсутствие главы семейства) содержать семью и т.д. и во всем этом получить письменное удостоверение местных мещанских и крестьянских обществ. Но даже все выполненные и «формализованные» обязательства не гарантировали успех «частного» патриотического начинания. Заметим также, что, в условиях минимальной государственной помощи, обязанность «социальной поддержки» семей ушедших на войну и не вернувшихся добровольцев также ложилась на плечи пресловутых «обществ», отнюдь не горевших желанием увеличивать податное бремя своих, оставшихся «на местах», земляков.

По поводу довольно значительной (81 чел.) группы добровольцев-церковнослужителей (либо потенциальных церковнослужителей) необходимо заметить, что, несмотря на единую сословную принадлежность, эта категория людей значительно различалась по своим общественным стратам (пономари, дьячки, причетники, семинаристы, послушники, исключенные из семинарии, «священнические дети», «праздноживущие» и пр.). Далек не все из этих страт имели реальную востребованность обществом, и вполне очевидно, что епископ Моисей, по согласованию со светскими властями, провел среди членов этой, во многом «праздноживущей» группы настолько серьезную и убедительную «разъяснительно-патриотическую» работу, что она очень напоминала скрытую «тотальную» мобилизацию «праздноживущих» священнических отпрысков. Косвенным подтверждением этого служит факт отсутствия заявлений от подавляющего числа потенциальных добровольцев (за исключением 4 человек, указанных в списке выше: П. Петрова, П. Григорьева, В. Травницкого и Е. Щеглова) и многочисленные медицинские «обраковки» ратников этой социальной группы. Результатом же действий Моисея стал заметный приток добровольцев из духовной среды, очень многие из которых имели неважное здоровье и весьма сомнительные морально-волевые (и боевые) качества. Об этом знали и командиры полков, и поэтому очень многие служители церкви были назначены на нестроевые должности, урядниками-писарями и пр.

На основании вышеизложенного следует, что всего добровольцев в нижегородском ополчении 1812 г. значилось: от дворянского сословия – 171 чел.; от лиц «духовного звания» – 81 чел.; от сословий крестьян (всех категорий) и мещан – 21 чел. Среди сословных особенностей добровольческого движения в Нижегородской губернии следует отметить: *массовость* дворянского представительства (при условии практически *обязательной* службы представителей дворянства); *заметность* представительства от духовных лиц (при условии *желательной* службы церковников) и *ничтожно малое* представительство (при условии обязательной службы тех, кто попал в ополчение, и поощряемой теоретически, но не поддерживаемой массово фактически, «частной», в этом отношении, инициативы) от самых многочисленных сословных групп населения – крестьян и мещан, что вполне объяснимо причинами, которые рассматривались выше. Упомянутые же в контексте исследования исторические труды предыдущих лет, попавшие «в плен» «компилятивно-патриотических» заблуждений, не содержат

объективной информации (либо содержат ограниченную информацию) о «подлинном лице» (индивидуальном и коллективном) ополченско-добровольческого движения.

Приложение

Список 1

1. Губернский секретарь Николаев⁴⁴ («определен»⁴⁵); 2. Приклонский, служащий Московского отделения Государственного ассигнационного банка («определен»); 3. Губернский секретарь П.И. Петров [1, л. 16] («5-й полк, 50-ым»⁴⁶); 4. Губернский секретарь Е. Костров («4-й полк, 50-ым»); 5. Коллежский регистратор И. Филимонов («в комитет пожертвованных»); 6. Коллежский регистратор И. Олисов («в 1-полк, 50-ым»); 7. Балахнинского уездного училища «первоклассный учитель» Н. Назанский [1, л. 28] («1 полк 50-ым»); 8. «Отставной аудитор» Магницкий («при командующем III округом»); 9. «Городского Федоровского монастыря послушник Павел Петров»; 10. Того же монастыря послушник П. Григорьев («3 полк, урядники»⁴⁷); 11. «Дворянской комиссии копиист» И. Ломидзев («4 полк, подпрапорщик»); 12. Титулярный советник Которов («2 полк, 50-ым»); 13. Канцелярист И. Брендель («1 полк, португей-прапорщик»); 14. Лекарский ученик П. Щербаков⁴⁸ («2 полк, подпрапорщик»); 15. Коллежский регистратор С. Хрычев («2 полк, 50-ым»); 16. Коллежский регистратор Щуплов («2 полк, 50-ым»); 17. Коллежский регистратор С. Зверев («2 полк, 50-ым»); 18. Губернский секретарь А. Кванчехадзев («5 полк, 50-ым»); 19. Канцелярист А. Келейников («1 полк, урядник»); 20. Канцелярист А. Александров («4 полк, подпрапорщик»); 21. Переводчик М.Ф. Демаре («4 полк, подпрапорщик»); 22. Городовой секретарь А.А. Козминский («4 полк, 50-ым»); 23. Губернский регистратор Д. Ментцель («1 полк, «подпрапорщик»); 24. Губернский секретарь А.А. Павловский («3 полк, «50-ым»); 25. Губернский секретарь Талановский («1 полк, 50-ым»); 26. Губернский секретарь П.А. Филисов [1, л. 76] («2 полк, 50-ым»); 27. Губернский секретарь Н. Пономарев («2 полк, 50-ым»); 28. Коллежский регистратор Богуславский («1 полк, 50-ым»); 29. Коллежский регистратор М.И. Афанасьев («3 полк, 50-ым»); 30. Прапорщик Долбушев⁴⁹ («2 полк 50-ым»).

Список 2

31. Подпоручик Н. Пальма («2 полк, 50-ым»); 32. Губернский секретарь А.П. Семенов («3 полк, 50-ым»); 33. Подканцелярист Ф. Оленин («1 полк, урядник-писарь»); 34. Коллежский регистратор И.В. Борисов («3 полк, 50-ым»); 35. Канцелярист Ульянов («4 полк, 50-ым»); 36. Канцелярист Колосовский («1 полк, 50-ым»); 37. Коллежский регистратор В. Ермолаев («3 полк, 50-ым»); 38. Отставной прапорщик М. Жмуров⁵⁰ («5 полк, 50-ым»); 39. Коллежский регистратор И. Ливанов («3 полк, 50-ым»); 40. Штабс-капитан Л. Степанов («1 полк, сотенный»); 41. Губернский секретарь А. Турчанинов («4 полк, сотен-

ный»); 42. «Из дворян недоросль» П.С. Ключарев («1 полк, подпрапорщик»); 43. Канцелярист Н. Чугунский («конный полк, урядник-писарь»); 44. Надворный советник И. Наумов [1, л. 138]; 45. «Господин Бычков»; 46. Коллежский регистратор Н. Зверев («2 полк, 50-ым»); 47. Прапорщик Е. Тузаков; 48. Коллежский регистратор С. Каминский («3 полк, 50-ым»); 49. Губернский секретарь А. Курапин [1, л. 154] («1 полк, 50-ым»); 50. Канцелярист А. Еропкин («3 полк, урядник»); 51. Титулярный советник В. Веселовский («3 полк, сотенный»); 52. Крестьянин Михаил Афанасьев («жертвует свою лошадь, конный полк, урядник»⁵¹); 53. Губернский секретарь И. Ягодинский («5 полк, 50-ым»); 54. «Штаб-офицерский сын» Ивановский («4 полк, урядник»); 55. Канцелярист И. Герман; 56. Б. Герман (брат канцеляриста И. Германа); 57. Канцелярист И. Белецкий; 58. «Русский подданный» Матвей Герлич [1, л. 175]; 59. Нижегородский мещанин Иван Монатаев [1, л. 172]; 60. «Отставной штабс-капитан» Газенкампф⁵²; 61. Титулярный советник Денисов; 62. «Недоросль» И. Пантелеев; 63. «Нижегородской семинарии ученик риторики» В. Травницкий [1, л. 186]; 64. Канцелярист А. Вишневский; 65. «Нижегородской семинарии ученик пиитического класса» Е. Щеглов; 66. Подпоручик Я. Кузнецов; 67. «Воспитанник» В. Иванов; 68. Коллежский регистратор В. Маврин; 69. Копиист В. Виноградов; 70. Коллежский регистратор П. Яковлев; 71. Копиист А. Востоков; 72. Канцелярист А. Окунев; 73. Коллежский регистратор И. Воронин; 74. «Обер-офицерский сын» С. Никлаус; 75. Арзамасский мещанин А. Феоктистов⁵³ [1, л. 227]; 76. Губернский секретарь А. Козмин; 77. Коллежский регистратор П. Петчиков; 78. Коллежский регистратор Ф. Климпиев; 79. «Урожденный в России иностранец венгерской нации» П.Е. Ковачев («конный полк, урядник»); 80. Поручик Г. Колтовский («2 полк, 50-ым»); 81. Губернский секретарь П. Иванов; 82. «Сын генерал-лейтенанта Чемоданова» А.П. Чемоданов (с приложением прошения генерал-лейтенанта Чемоданова о принятии сына в ополчение⁵⁴) («5 полк, португей-прапорщик»); 83. «Дворянин» Д. Языков («3 полк, поручик»); 84. «Армии поручик» М. Иванов («5 полк»); 85. П. Андреев, «сын коллежского секретаря М. Андреева» (с приложением прошения М. Андреева об отправке сына в ополчение) («4 полк, прапорщик»); 86. Канцелярист М.Е. Гусев («4 полк, подпрапорщик»); 87. Коллежский регистратор В. Ястребов («писано»); 88. Губернский секретарь А. Корчевский («писано»); 89. Подканцелярист З. Ливанов («в губернское правление сообщено»); 90. Коллежский регистратор А. Аникеев (1 полк 50-ым); 91. Коллежский регистратор М. Яковлев («писано»); 92. Студент Московского отделения императорской медико-хирургической академии М. Магницкий («1 полк»); 93. Нижегородский мещанин Я. Шкурин («сообщено»); 94. Коллежский регистратор П.М. Яковлев.

Список 3

95. Стряпчий, титулярный советник П.Л. Петров [1, л. 281]; 96. Ученик риторического класса нижегородской гимназии И.В. Лавров [1, л. 282]; 97. «Фео-

досийский житель грек» К. Сидоров («4 полк, урядник») [1, л. 283]; 98. Подканцелярист Ф. Семенов (стремившийся, очевидно, к реабилитации, посредством вступления в ополчение, своего доброго имени⁵⁵); 99. Подканцелярист С. Пантелеев [1, л. 296]; 100. Унтер-офицер балахнинской воинской инвалидной команды Г.О. Павлов⁵⁶; 101. Корнет Г. Васильев [1, л. 297]; 102. Крестьянин П.А. Пегов⁵⁷; 103. Канцелярист Н.А. Леонтьев [1, л. 301]; 104. Поручик А.В. Юрлов⁵⁸; 105. Коллежский регистратор А. Дядюкин; 106. Титулярный советник Любавский; 107. «Студент Академии Наук» [6, л. 53] А. Виноградов [1, л. 312, 315, 318]; 108. «Обер-офицерский сын Александр Никитин Ушков»⁵⁹; 109. Капитан П.И. Грачев; 110. Канцелярист А. Мурунов; 111. Канцелярист М.П. Макеев; 112. Губернский секретарь Соколов [1, л. 325–326, 338, 341]; 113. Подпоручик Б.П. Руднев⁶⁰; 114. «человек, взятый полицией в праздном проживании... Васильев»⁶¹; 115. Арзамаский мещанин Г.С. Волков; 116. Крестьянин М.И. Поляков; 117. Губернский секретарь А.И. Косткин; 118. Канцелярист Н.В. Евдокимов; 119. Канцелярист М.В. Васильев; 120. Канцелярист Д.Д. Климонтов; 121. Отставной подпоручик И.Л. Дуров [1, л. 360–362–368]; 122. «Дворянин» Н.А. Полумордвинов⁶² («4 полк»); 123. «Недоросль подпрапорщик» И.И. Хохлов⁶³; 124. Касимовский мещанин И.И. Кочемасов; 125. Подканцелярист Ф. Орлов; 126. Канцелярист В. Раздьяконов; 127. Крестьянин О. Агафонов; 128. Отставной унтер-офицер А.К. Балес; 129. Коллежский секретарь А.Г. Безводинский; 130. Коллежский секретарь И. Дмитриев; 131. Губернский секретарь С. Постушенков; 132. В.Н. Миловидов [1, л. 385, 387, 390–392, 395–397, 405]; 133. Камер-юнкер, «коллежский ассессор и кавалер» П. Дивов⁶⁴; 134. «Нижегородский мещанин» Н.И. Быков; 135. Коллежский регистратор И. Поленов; 136. «Старший ученик» А.И. Лейбрехт; 137. Губернский секретарь Я.И. Артемьев; 138. Коллежский регистратор А.П. Павлов («5 полк, прапорщиком»); 139. Коллежский регистратор А.А. Литвинов («5 полк, прапорщиком») [1, л. 408, 414–418]; 140. «Лекарский ученик» Я.А. Сорокин; 141. Подканцелярист А.И. Воскресенский («урядником к Козлову»⁶⁵); 142. Губернский регистратор П.П. фон Берхольц («50-ым к Козлову»); 143. Губернский регистратор Д.М. Семейкин («юнкером к Козлову»); 144. Канцелярист Н.М. Медведев; 145. Коллежский регистратор Б.Н. Богданов («50-ым к Козлову»); 146. Коллежский регистратор В.Г. Тимофеев («портупей-юнкером к Козлову») [1, л. 436, 440–441, 452, 454, 456, 458].

Список 4

147. Коллежский регистратор М. Березовский [2, л. 3]; 148. Канцелярист П. Пирожков [2, л. 9]; 149. Подканцелярист А. Верицкий; 150. Канцелярист Н. Чумичев [2, л. 9]; 151. «Горбатовский земский исправник гвардии корнет» Козлов; 152. Поручик Столица [2, л. 10]; 153. Коллежский регистратор Плешивцов [2, л. 27]; 154. Губернский секретарь Кирчевский [2, л. 29]; 155. Копист Серебровский [2, л. 31]; 156. Канцелярист В. Кандыбов [2, л. 34]; 157. Канцеля-

рист Березин; 158. Канцелярист Дертев; 159. Копист Соловьев [2, л. 35]; 160. «Дворянин» П. Алфимов [5, л. 18].

Примечания

1. Список составлен автором на основании «Решения просьбам, входящим на имя Начальника Нижегородского военного ополчения Его Сиятельства, Камергера и кавалера, князя Григория Александровича Грузинского» [1] и другим документам канцелярии нижегородского ополчения.

2. Люди, принимавшиеся в ополчение, должны были быть уволены с предыдущих занимаемых постов и должностей с соответствующими записями в документации.

3. Следует отметить, что добровольцы могли поступать не обязательно только лишь в ополчение; известно, что значительная часть как эвакуированных чинов, так и чинов из состава местного дворянства пополнили состав действующей регулярной армии; заявления о зачислении (переводе) в действующую армию писали и офицеры, уже занимающие должности в ополчении.

4. Двое из которых, студенты А. Виноградов и М. Магницкий, уже значатся в этом списке выше.

5. «Кузнечного рукоделия города Семенова мастер мещанин Яков Савельев сын Сазанов с зачетом рекрута за семеновских мещан братьев родных Степана, Самуила и Терентия Антоновых... с тем, чтобы прилично ему к службе обмундирование и плата же за него до будущей 7 ревизии государственных податей...» [8, л. 2].

6. «...с зачетом рекрута за семейство здешнего мещанина Ильи Кириллова сына Короткова... с тем, чтобы прилично ему обмундирование и платеж за его душу до будущей ревизии за детей же три души в 5 лет подушных податей было исполнено им, Коротковым...» [8, л. 1–2].

7. «...с лошастью, во всей одежде, с седлом, пикой, саблей и 2 пистолетами» [8, с. 106].

8. «...в одежде, с пикой и саблей» [22, л. 10–11].

9. Г. Волков доставил в полном порядке приговор мещанского общества, но неизвестно, попал он на службу или нет [8, л. 16].

10. О котором Руновский написал Грузинскому, что того брат не следует: «...получил я прошение от отца одного мещанина... в коем изъясняет, что он принял таковое намерение без позволения его и мещанского общества и что будучи неотдельным от него, занят общею с ним по званию своему промышленностью, для содержания семейства потребною, по которой накопилось на них немалое количество и долгу, к уплате которого он, проситель, не имеет никакого средства... я находя оное прошение заслуживающим уважения...» [8, л. 10].

11. Я. Шкурину не дали свидетельства на увольнение из мещанского общества «потому, что он, Шкурин, состоит в числе двойниковых семейств для отправления рекрутской повинности» [8, л. 12].

12. Также не получившего должного свидетельства мещанского общества [8, л. 19].

13. «...Государственные, экономические и удельные крестьяне в тех губерниях, из коих составляется

временное внутреннее ополчение, не участвуют в оном, но предоставляются для обыкновенного с них набора по установленным правилам...» [23, с. 26–27].

14. Зачислен урядником в конный полк.

15. Крестьянское общество не согласилось с отпуском М. Полякова в ополчение «потому, что он в том участке между двойниковыми семействами для отправления рекрутской повинности состоит почти первым...» [8, л. 18].

16. Формальных препятствий к приему О. Агафонов в ополчение не было: «...со стороны крестьян означенного участка препятствия не имеется... так, как я одинокий и не подлежу рекрутской очереди...», но, по неизвестным причинам, в приеме в ратники ему было отказано [1, л. 238].

17. П. Пегов, как указано ранее, мог получить освобождение от службы «за отзоблением» пальцев ног, но пожелал остаться в ополчении [1, л. 300].

18. Ровинский (командир 2-го полка) – Грузинскому: «Отданный в воины Семеновской округи села Городищи вотчины генерал-майора Купреянова из крестьян Иван Иванов Куняпин был обрakovан за малоимением зубов и отослан в числе прочих к семеновскому предводителю для истребования на перемену другого. Но как тот же самый воин, на марш полка прибыв, объявил, что он, чувствуя себя во всем здоровым, желает сам служить, то я, видя затруднение в обратной его отсылке и находя, что он вновь по положенному количеству нестроевых может в числе оных служить, решил его причислить, предавая сие, впрочем, Вашего Сиятельства утверждению» [24, л. 30].

19. Очевидно, что Моисей обращался напрямую к командующему III ополченским округом, что, в принципе, не возбранялось.

20. Покровский поступал на замену брату [10, л. 22].

21. Напротив имени И. Николаева помета: «объявил падучую болезнь» [10, л. 36].

22. Напротив имени А. Поликарпова помета: «на левой руке пальцы не разгибаются» [10, л. 36].

23. Напротив имени А. Матвеева помета: «крив на левой глаз и слаб здоровьем» [10, л. 36].

24. «...из коих последний найден был господином начальником Главного штаба... Муравьевым к службе неспособным» [10, л. 25].

25. А. Ильин поступал вместо родственника А. Матвеева [10, л. 38].

26. Напротив имени К. Попова помета: «за малым ростом не принят» [10, л. 41].

27. А. Петров шел в ополчение вместо своего родственника С. Васильева [10, л. 55].

28. А. Михайлов, по свидетельству врачебной управы, «оказался неспособным за удушьем и потом возвращен» [10, л. 54]. В другом документе цитируется просьба «добровольца» Михайлова об освобождении его от службы, поскольку тот «чувствует большую слабость в ногах, не могу простоять и двух часов, или пройти двух верст, сверх еще сей болезни имею внутри мучительную грыжу» [25, л. 51].

29. Напротив имени В. Леонтьева помета: «падучая болезнь случается, исключается» [10, л. 58].

30. Напротив имени С. Васильева помета: «обращен к архиерею за неспособностью» [10, л. 68].

31. Напротив имени Г. Никитина помета: «у левой руки у большого пальца первого сустава нет и болен оным пальцем» [10, л. 90].

32. Напротив имени С. Васильева помета: «кос обоими глазами» [10, л. 90].

33. Выдача продуктов питания и фуража либо денежная компенсация их стоимости за казенный счет.

34. Оплата по так называемому «заграничному положению» была существенно выше обычной.

35. За награды полагались пожизненные выплаты.

36. Например, командир 2-го пехотного полка нижегородского ополчения А.П. Ровинский ходатайствовал об отсрочке по выплате долга женой офицера этого полка штабс-капитана Тулубеева [24, л. 28].

37. Что было закреплено законодательно в 1812 г.

38. Ныне: Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).

39. Имена которых названы выше.

40. Я.С. Сазанов и Е.Н. Разуваев.

41. О. Агафонов, М. Поляков, М. Афанасьев.

42. И. Куняпин, П. Пегов.

43. В «Месячных и недельных рапортах военачальников о состоянии 2 полка» указано, что в период до 22 декабря 1812 г. прибыл один воин, «из ранее обрakovанных, доброволец Зубов» [9, л. 25].

44. Нумерация списка добровольцев – авторская.

45. Здесь и далее в списке указанные в кавычках пометы напротив фамилий кандидатов в ополчение сделаны рукой Г.А. Грузинского.

46. Имеется в виду назначение на должность пятидесятного начальника.

47. Резюме Грузинского по кандидатурам обоих: П. Петрова и П. Григорьева.

48. Щербаков – Грузинскому: «Имею усердие участвовать в защите отечества я испросил от бывшего моего начальства Нижегородской врачебной управы позволение и в свидетельство того о службе и поведении моем аттестат, который представляя при сем покорнейше прошу Ваше Сиятельство меня в ополчение принять...» [1, л. 46].

49. Долбушев—Грузинскому: «В течение 20-летней моей службы престолу и отечеству был при осаде и при взятии штурмом городов (1)788 – Очакова, (1)789 – при сдаче города Бендер (1)790 – при взятии города Измаила, (1)791 – за Дунаем... напоследок, в Польше, в разных местах противу станции бунтующихся польских войск в (1)792 и (1)793 октября 24-го при взятии штурмом укрепленного предместья Варшавского местечка Праги и 29-го числа при покорении города Варшавы в действительных сражениях находился...» [1, л. 86].

50. Жмуров – Грузинскому: «В воинскую Его Императорского Величества службу вступил я именованный сначала Санкт-Петербургский Гренадерский полк 1767 октября 27-го чинами происходил капралом 1779-го, каптенармусом 1780-го, сержантом 1778-го, прапорщиком 1796-го, ныне ревностное и неусыпное желание имею поступить на службу...» [1, л. 119].

51. «...к увольнению его (Афанасьева) в ополчение никаких препятствий нет, потому, что на нем казенной недоимки и партикулярных долгов не имеется, да и рекрутской очереди за ним не состоит, ибо

он, по отдаче в рекруты брата его Егора, находится одинаким и детей мужеска полу у него нет» [2, л. 33]. М. Афанасьев был, в итоге, зачислен урядником в конный полк.

52. Из Тамбовской губернии, находился в Нижнем Новгороде во время сбора ополчения и вступил в него, что не возбранялось: представителем дворянского сословия можно было вступать, по желанию, в воинские формирования любых «ополчающихся» губерний.

53. Феоктистов попросил принять его в конный полк, «для чего представляю... лошадь со всею конной сбруею и амуницию для своего положения...» [1, л. 227].

54. Чемоданов – Грузинскому: «Пользуясь Вашим человеколюбивым позволением посылаю к вам моего сына примите его и будьте ему отец, а я по моему здоровью и по бедности моей ничего не могу для него сделать, также и содержать его. Сделайте милость, Ваше Сиятельство, и будьте нам отец обоим, я ж благодарности не могу оказать никакой, кроме как приносить мои моления ко всевышнему Богу...» [1, л. 246].

55. Семенов – Грузинскому: «...решился припасть к стопам Вашим... просить... возможного благоволения чрез невинной на меня семеновского господина городничего Ивана Дмитриевича Дурова губернскому правлению донос, якобы я находился в пьянстве и непослушании у него, предан суду уголовной палате, почему и осмеливаюсь объявить ревность быть...» [1, л. 294].

56. Павлов – Грузинскому: «В службу Его Императорского Величества вступил я из нижегородских солдатских детей в... запасные полевые батальоны 1793 года, а из оных поступил в 1803 году в шлисельбургский мушкетерский полк. 1804 г. произведен унтер-офицером, а в 1805 г. в римскую империю... с полком в походе находился 1806-го чрез Венгрию обратно в Россию. Того же 1806-го в Пруссию, произведен фельдфебелем в том же году. 1807-го января 26 и 27 числа в сражении против французов под городом Прейсиш-Эйлау находился, за что и получил знак отличия военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия. Того же года мая 24-го под городом Гутштадтом в стрелках, где и ранен ядром в правую руку и ногу выше колена, для излечения коих находился в ковенском военном госпитале, и, по свидетельству генерал-майора Арсеньева, за неспособностью к службе переведен в 1808 году по желанию моему в Арзамасскую инвалидную команду, а из оной в 1811 г поступил в Балахнинскую такую же... команду... Ныне я чувствую в описанных мною ранах облегчение и желая, сколько силы мои позволят, служить...» [1, л. 297]. Несколько иная аттестация унтер-офицера Павлова была дана позднее, «со стороны», а именно от командира нижегородского губернского батальона полковника Шиллера: «Балахнинской инвалидной команды унтер-офицера Павлова, изъявившего желание продолжать службу в военном ополчении... представить не могу, присовокупя к сему и то, что оный Павлов по дурному поведению едва ли будет полезен в ополчении...» [12, л. 5].

57. Пегов – Грузинскому: «Назад тому недель десять поступил я с... вотчины господина моего в во-

енное ополчение, но как я ныне будучи во оном забракован неизвестно мне каким лекарем за озноблением у левой ноги малых четырех пальцев и якобы оные пальцы не могут переносить терпения стужи, но как от такового ознобу и прежде всего в зимние времена будучи во крестьянстве работал и во всякие поездки по дорогам ездил, никакого себе стеснения от стужи не чувствовал, да и ныне также не чувствую, а равно и к свободному хождению никакого препятствия не имею, хотя бы целые сутки, или более в ходьбе быть... а потому желаю поступить в ополчение...» [1, л. 300].

58. Пензенский ополченец, желал служить с братом в конном полку. Как правило, служба вместе с родственниками приветствовалась [1, л. 302].

59. Ушков – Грузинскому: «Имея от роду я себе 15 лет, но в службу Его Императорского Величества еще ни в какое место не поступил, а как ныне всякое сословие было возвано на службу для защиты веры и отечества, то я имею ревность вступить в оную...» [1, л. 322].

60. Руднев – Грузинскому: «По вступлении моем в военную службу 1795 года... из дворян был принят в Шлюссенбургской мушкетерский полк сержантом, а потом произведен чинами прапорщиком 1800 года... подпоручиком 1803-го... и во время прохождения сих чинов был в походах 1799... в Римской Империи, пройдя обе Галиции, Шлезию, Моравию, Богемию, Баварию, Швабию до Швейцарии, где при городе Цирихе сентября 14 и 15 при отражении неприятеля при городе Шевгаузин на левой стороне реки Рейна был против французов в сражении; под судом и без суда ни за что штрафован не был...» [1, л. 322]. Затем, по увольнении из армии, Б.П. Руднев служил соляным приставом, был обвинен в растрате казенной соли, находился под судом, в чем не сознавался и просил принять в ополчение [1, л. 322].

61. Тоже захотел быть добровольцем. По его поводу Руновский спрашивал Грузинского, «может ли он, Васильев, поступить в военную силу», но попал ли тот в ополчение или нет, не ясно [1, л. 346].

62. Помета: «Из Симбирской губернии» [1, л. 369].

63. В другом документе о нем: «найдя... по малолетству его неспособным к перенесению трудных походов в военной службе...» [1, л. 371].

64. Не из Нижегородской губернии, но не ясно точно, из какой именно [1, л. 407].

65. Т.е. был направлен в конный полк, командиром которого являлся П.И. Козлов.

Список литературы

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф. 1822. Оп. 1. Д. 18.
2. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 55.
3. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 20.
4. Эрстрем Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / Сост. Г.М. Коваленко и А.А. Кузнецов. Пер. А.М. Галиновой. Под ред. С.Н. Исколя и Г.М. Коваленко. Вступ. ст. Г.М. Коваленко и А.А. Кузнецова. Комментарии С.Н. Исколя, Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецова и А.В. Морохина. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. 293 с.

5. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 15.
6. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 86.
7. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 53.
8. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 22.
9. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 6.
10. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 24.
11. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 61.
12. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 3. Д. 6.
13. Апухтин В.Р. Нижегородское дворянское ополчение в 1812–1814 гг.: краткий очерк и материалы о формировании нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского ополчения в 1813 г. за границей. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1912. 65 с.
14. Материалы по истории Нижегородского края в эпоху Отечественной войны 1812 г. Вып. I: Финансы / Под ред. С.И. Архангельского. Н. Новгород: Тип. «Нижегородское печатное дело», 1916. 262 с.
15. Кабанов А.К. Отечественная война 1812 г. // Нижегородский Ежегодник / Под ред. В.Е. Чешихина. Н. Новгород, 1912.
16. Бабкин В.И. Нижегородское ополчение в Отечественной войне 1812 г. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1947.
17. Селиванова Е.Ф. Нижегородское народное ополчение 1812–1814 гг. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1948.
18. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 212 с.
19. Архангельский С.И. Ополчение 1812 года // Горьковская коммуна. 1941. 31 июня.
20. Каптерев Л. Нижегородцы в Отечественную войну // Ленинская смена. 1941. 15 июня.
21. Логинов Н. Нижегородцы в народном ополчении 1812 г. // Горьковская коммуна. 1941. 10 августа.
22. Семенов Л. Нижегородское ополчение 1812 г. // Ленинская смена. 1941. 15 августа.
23. Зубков С.Н., Калыганова Е.А. Нижегородское ополчение 1812–1814 гг. // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гуманитарного центра, 1994. 279 с.
24. Лушин А.Н. Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 гг. // Нижегородская старина: краеведческо-историческое издание. Вып. 23–24. 2010.
25. Лушин А.Н. Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 гг. Урок российского патриотизма. Н. Новгород: Изд-во «Бегемот», 2012. 22 с.
26. Дроздов Ф.Б. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах // Отечественная война 1812 года. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. Н. Новгород: НО ИРИ РАН, 2012. 138 с.
27. Добротвор Н.М. От Волги до Эльбы (боевой путь нижегородского ополчения) // Горьковская правда. 1962. 18 октября.
28. Ермолаев И. Патриотизм предков // Горьковский рабочий. 1962. 18 октября.
29. Рамов А. Нижегородские ополченцы // Горьковский рабочий. 1962. 14 июля.
30. Щенников В. Недаром помнит вся Россия... // Земля нижегородская. 1992. 6 сентября.
31. Громов В.А. Сергачское притяжение: Историко-краеведческие очерки. Н. Новгород: Изд-во «Штрих», 1996. 160 с.
32. Коршак С.Н. Солдаты Отечества 1812 года // Борское отечество мое. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского института экономического образования, 1998. 314 с.
33. Игонькин С. Ополченцы-арзамасцы // Земля нижегородская. 2001. № 38.
34. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 10.
35. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: Сборник документов / Сост. Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. 360 с.
36. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 99.
37. ЦАНО, Ф. 1822. Оп. 1. Д. 25.

VOLUNTEERS IN THE NIZHNY NOVGOROD MILITIA OF 1812: HISTORIC REALITY AND HISTORIOGRAPHIC MYTHS

D.A. Nikolaev

The paper deals with some peculiarities of the volunteer movement in the Nizhny Novgorod region in the era of 1812. The author tries to determine the exact number of volunteers and to analyze the class-corporate features of the epoch that were manifested in the process of volunteers' gathering. Based on the study of the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region and the analysis of historiographical works, the exact number of volunteers of different social groups is given. The paper also identifies some specific features of local volunteerism, taking into account other historians' earlier criticism with regard to this issue.

Keywords: Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod militia, volunteerism, Patriotic war of 1812, officers, military and civil ranks.

References

1. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO), F. 1822. Op. 1. D. 18.
2. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 55.
3. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 20.
4. Ehrstrem Eh.G. 1812 god. Puteshestvie iz Moskvы v Nizhnij Novgorod / Sost. G.M. Kovalenko i A.A. Kuznecov. Per. A.M. Galinovoj. Pod red. S.N. Iskyulya i G.M. Kovalenko. Vstup. st. G.M. Kovalenko i A.A. Kuznecova. Kommentarii S.N. Iskyulya, G.M. Kovalenko, A.A. Kuznecova i A.V. Morohina. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2013. 293 s.
5. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 15.
6. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 86.

7. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 53.
8. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 22.
9. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 6.
10. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 24.
11. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 61.
12. CANO, F. 1822. Op. 3. D. 6.
13. Apuhtin V.R. Nizhegorodskoe dvoryanskoe opolchenie v 1812–1814 gg.: kratkij ocherk i materialy o sformirovanii nizhegorodskoj voennoj sily i o dejstviyah polkov Nizhegorodskogo opolcheniya v 1813 g. za granicej. M.: Tovarishchestvo «Pechatnyya S.P. Yakovleva», 1912. 65 s.
14. Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraja v ehposhu Otechestvennoj vojny 1812 g. Vyp. I: Finansy / Pod red. S.I. Arhangel'skogo. N. Novgorod: Tip. «Nizhegorodskoe pechatnoe delo», 1916. 262 s.
15. Kabanov A.K. Otechestvennaya vojna 1812 g. // Nizhegorodskij Ezhegodnik / Pod red. V.E. Cheshihina. N. Novgorod, 1912.
16. Babkin V.I. Nizhegorodskoe opolchenie v Otechestvennoj vojne 1812 g. Dis. ...kand. ist. nauk. M., 1947.
17. Selivanova E.F. Nizhegorodskoe narodnoe opolchenie 1812–1814 gg. Dis. ...kand. ist. nauk. M., 1948.
18. Babkin V.I. Narodnoe opolchenie v Otechestvennoj vojne 1812 g. M.: Izd-vo social'no-ehkonomicheskoy literatury, 1962. 212 s.
19. Arhangel'skij S.I. Opolchenie 1812 goda // Gor'kovskaya kommuna. 1941. 31 iyunya.
20. Kapterev L. Nizhegorodcy v Otechestvennuyu vojnu // Leninskaya smena. 1941. 15 iyunya.
21. Loginov N. Nizhegorodcy v narodnom opolchenii 1812 g. // Gor'kovskaya kommuna. 1941. 10 avgusta.
22. Semenov L. Nizhegorodskoe opolchenie 1812 g. // Leninskaya smena. 1941. 15 avgusta.
23. Zubkov S.N., Kalyanova E.A. Nizhegorodskoe opolchenie 1812–1814 gg. // Nizhegorodskij kraj: fakty, sobytiya, lyudi. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gumanitarnogo centra, 1994. 279 s.
24. Lushin A.N. Nizhegorodskoe narodnoe opolchenie v 1812–1814 gg. // Nizhegorodskaya starina: kraevedchesko-istoricheskoe izdanie. Vyp. 23–24. 2010.
25. Lushin A.N. Nizhegorodskoe narodnoe opolchenie v 1812–1814 gg. Urok rossijskogo patriotizma. N. Novgorod: Izd-vo «Begemot», 2012. 22 s.
26. Drozdov F.B. Nizhegorodskoe opolchenie i ego uchastie v zagranichnyh pohodah // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Nizhegorodskoe opolchenie i ego uchastie v zagranichnyh pohodah 1813–1814 gg. N. Novgorod: NO IRI RAN, 2012. 138 s.
27. Dobrotvor N.M. Ot Volgi do Ehl'by (boevoj put' nizhegorodskogo opolcheniya) // Gor'kovskaya pravda. 1962. 18 oktyabrya.
28. Ermolaev I. Patriotizm predkov // Gor'kovskij rabochij. 1962. 18 oktyabrya.
29. Ramov A. Nizhegorodskie opolchency // Gor'kovskij rabochij. 1962. 14 iyulya.
30. Shchennikov V. Nedarom pomnit vsya Rossiya... // Zemlya nizhegorodskaya. 1992. 6 sentyabrya.
31. Gromov V.A. Sergachskoe prityazhenie: Istoriko-kraevedcheskie ocherki. N. Novgorod: Izd-vo «Shtrih», 1996. 160 s.
32. Korshak S.N. Soldaty Otechestva 1812 goda // Borskoe otechestvo moe. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo instituta ehkonomicheskogo obrazovaniya, 1998. 314 s.
33. Igon'kin S. Opolchency-arzamascy // Zemlya nizhegorodskaya. 2001. № 38.
34. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 10.
35. Nizhegorodskaya guberniya v ehposhu Otechestvennoj vojny 1812 goda: Sbornik dokumentov / Sost. E.Eh. Lebedeva, D.S. Mochalov, Ya.M. Horoshkin. N. Novgorod: Komitet po delam arhivov Nizhegorodskoj oblasti, 2012. 360 s.
36. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 99.
37. CANO, F. 1822. Op. 1. D. 25.